Текст · 30 августа 2022, 07:26
Анна Павлова,

«Это Россия, сынок». Как настойчивость родных и заявления в прокуратуру помогают отказникам вернуться с войны

К концу лета отказаться от участия в войне стало гораздо сложнее: зачастую командиры не отпускают контрактников даже в отпуск, справедливо опасаясь, что солдаты могут не вернуться в строй, а последовательных отказников начали свозить в специальные лагеря. Чтобы выбраться оттуда, одной стойкости уже недостаточно — нужна поддержка родных, которые будут бороться за их освобождение. «Медиазона» рассказывает об этом на примере контрактника, прошедшего через четыре лагеря для отказников и угрозы убийством, и его отца, который не только писал заявления во все инстанции, но и вместе с другими родителями отправился в Луганск, чтобы вызволить сына.

23-летний контрактник Андрей Силков[1] на войну попал только в начале апреля. Семья была против, но Андрей настаивал: приказ есть приказ, вспоминает его отец Григорий[2].

«Он уже знал, куда едет, — вспоминает отец. — Ну, молодой, ему же там вдолбили в голову, в этом училище военном, что Красная армия всех сильней, вторая армия мира, все схвачено, высокоточное оружие, мирных жителей ни в коем случае [не

тронут]. Выборочно осколки летят в нехороших, а в хороших — нет».

Сам Андрей Силков сказал «Медиазоне», что это было его личное решение — поехать в Украину. Его мотострелковую часть отправили под Изюм, город в Харьковской области, за который шли ожесточенные бои. Захватить город российским военным удалось в начале апреля. После этого подразделение Андрея перебросили в Донецкую область, где тяжелое и медленное наступление российской армии до сих пор не завершилось успехом. В июне контрактник стал жаловаться отцу, что невыносимо устал, и попросил узнать, как можно вернуться домой.

В Россию он вернулся только в середине августа, пройдя через несколько лагерей отказников. К лету покинуть войну стало очень сложно, солдат удерживают силой и уговаривают вернуться на фронт (иногда с применением физического насилия). Силкову и другим отказникам помогла только настойчивость родных, которые не оставили сыновей на милость командиров, а начали писать заявления в прокуратуру и Следственный комитет и даже приезжали в Луганск, чтобы лично потребовать ответа.

Покинув Украину, контрактник Силков на этом не остановился (как часто бывает с теми, кто уже находится в безопасности) и теперь вместе с адвокатом Максимом Гребенюком, автором проекта «Военный омбудсмен», пытается привлечь к ответственности офицеров и других военных, причастных к незаконному лишению отказников свободы и угрозам убийством самому Силкову.

«Медиазона» рассказывает, какой путь ему пришлось пройти перед этим.

Из переписки[3] Андрея с отцом. Начало июля

— Можешь рассказать, что нас как пушечное [мясо] в бой отправляют. Без всякой поддержки. Ни танков, ни авиации, а артиллерия наша по нашим позициям бьет. Ты не представляешь, сколько я раненых тащил под разрывы минометов и АГС[4]. По полю длиной метров 700. Никакой эвакуации раненых.

— Это Россия, сынок.

— Я знаю, по новостям говорят, что Долину и Краснополье[5] взяли, а на самом деле она укреплена так, что туда никак не прорваться. А нас туда.

11–20 июля. Яцковка — Боровая. Рапорт, лагерь в овраге и советы правозащитников

Григорий Силков начал искать информацию, как можно вернуться с войны, читал советы правозащитников и отправлял сыну их рекомендации.

В начале июля, как говорит Григорий, «после очередной какой-то атаки, когда их обманули», его сын и несколько сослуживцев решили отказаться от участия в войне. По словам отца, толчком для этого решения послужило еще и то, что в Украине живут

их родственники, и их мобилизовали в Вооруженные силы Украины.

Андрей вспоминает, что он тогда «разочаровался в своем командовании», потому что считал их приказы «нецелесообразными, тактически неправильными». «Я написал своему командованию один рапорт, что отказываюсь от участия в спецоперации, но желаю дальше служить. Мне моя работа нравилась», — признается он.

В это время подразделение находилось[6] около поселка Яцковка, который в мае перешел под контроль самопровозглашенной ДНР. Примерно через неделю после подачи рапорта перед утренним построением к Силкову подошел командир его бригады, схватил его за горло и стал возмущаться, что он отказывается воевать. «Какого хера ты сваливаешь? В девять часов чтобы был в экипировке, и я тебя забираю на передок!» — вспоминает его слова контрактник. Андрей говорит, что оттолкнул командира, но тот ударил его по ноге и лицу.

«Я ответил ему, что он неадекватный и в дальнейшем его бестолковые приказы исполнять не собираюсь», — говорит Силков. Он объясняет, что не стал отвечать на насилие, чтобы не создавать себе еще больше проблем: «Это старший начальник все-таки, боялся, что он вызовет военную полицию, и там я уже это бы никак не доказал».

Из переписки Андрея с отцом. 11 июля

— Комендатура, а дальше неизвестно.

— Нет, это незаконно. Я тебе сейчас буду сбрасывать инфо. А ты отфильтруешь то, что тебе нужно. На тебя давят.
— Комбриг напал. Драться начал. Я не ответил, а то б меня ВП[7] потом забрали. Оттолкнул его и послал куда подальше.
— Правильно. Провоцируют, суки. Сейчас подожди, мне надо подумать. Мне скидывай любую информацию касаемо этого дела.

Андрея и еще около двадцати его сослуживцев, решивших отказаться от боевых действий, тогда отправили в импровизированный лагерь в лесу около поселка Боровая[8] Харьковской области, неподалеку от Яцковки. Было очевидно, что лагерь был сделан наспех, скорее, его можно назвать пунктом передержки, замечает Силков. Около сотни отказников из разных подразделений держали в овраге в лесу, по периметру стояла военная полиция.

«Нас кормили, но не было [столовых] принадлежностей. То есть мы себе вырезали бутылки, чтобы в бутылку пищу насыпать, одна-две ложки на толпу. С кружками то же самое. Были те, у кого остались кружки, у кого не было, вырезали себе тоже из-под бутылок, — описывает Силков быт пленников. — Мы там были около недели».

С солдатами там работала комиссия психологов под руководством генерал-майора Грекова — в переписке с отцом Силков называл его замполитом Восточного военного округа. Контрактник не знает имени этого офицера, но, вероятно, речь идет о Романе Грекове.

Военных уговаривали вернуться на фронт — в свое подразделение или какое-нибудь другое.

«Из моего подразделения один согласился на другое подразделение, и люди из других бригад возвращались обратно после этого лагеря, как бы эта система работала, — рассказывает Андрей. — А я со своими парнями, грубо говоря, был до конца».

По словам контрактника, он говорил комиссии и о своем недовольстве командованием, и о мобилизации украинских родственников, но ему отвечали, что раз родственники не близкие, то это недостаточно веская причина.

«Давление, оно всегда было, запугивание, просто говорили, что дальше вас лагерь ожидает еще хуже, чем здесь. Так и получилось. Они как бы здесь не соврали», — усмехается Андрей.

19 июля его и других упорствовавших перевезли в военную комендатуру в самой Боровой, где продержали сутки в закрытом помещении без еды — условия там описывал «Медиазоне» другой контрактник. Начальником комендатуры солдаты называют полковника Улитова. Офицер с такой фамилией упоминался в репортаже «Звезды» как замначальника управления военной полиции Восточного военного округа полковник Руслан Улитов.

Оттуда на следующий день всех отправили в лагерь отказников в Брянке на территории самопровозглашенной ЛНР. Там уже были другие солдаты, которые пытались вернуться с войны.

Из переписки Андрея с отцом. 20 июля

— Привет, пап.

— Да, привет. Пиши или говори, как удобно.

— Короче, доставили в Брянку.

— Это я знаю уже.

— И мне это не нравится. Удерживают незаконно. Вообще никак.

— Ты, самое главное, заднюю не включи.

20–24 июля. Брянка. «Ямы» и уговоры офицеров, родные обращаются в прокуратуру

Неформальную тюрьму в Брянке организовали в начале июля, туда стали свозить контрактников, отказывавшихся от участия в боях в Украине. Военных разместили в бывшей школе № 2, где теперь, по словам побывавших там, располагается «войсковая часть 23651 народной милиции ЛНР».

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

«Условия были лучше для проживания, — говорит Силков. — Но там мы были вообще под капитальным

контролем. И что будет дальше, нам было неизвестно. Была большая неизвестность, куда нас потом. Там людей партиями отправляли в неизвестность».

С ними работали военные психологи, которые уговаривали солдат и дальше воевать. Старшим «центра отказников» был Сергей Туманов[9], а «ответственным за работу с отказниками» стал полковник Олег Нечипоренко[10], по свидетельству разных контрактников, он предлагал им вступить в «ЧВК Вагнера». В лагере находились от 130 до 160 человек, которые постоянно менялись.

Побывавшие там отказники говорили «Медиазоне», что их охраняли бойцы «ЧВК Вагнера», но Силков утверждает, что он не знает точно, кем были эти «вооруженные люди». «По периметру было много машин военной полиции, у начальника вот этого нашего лагеря был шеврон военной полиции, — говорит он. — Причем, когда я разговаривал с охраной, которая стояла непосредственно на улице, у них был вот этот южный акцент — "гэ" и "шо", я так подозреваю, что они либо с Южного военного округа, либо непосредственно местные жители Луганска и Донецка».

Из переписки Андрея с отцом. 20 июля

— Во всех бригадах ВВО осталось по 20 пехотинцев. Остальные 200-е или 300-е. У меня в бригаде первоходцев осталось 12 человек, которые заходили 07.04. Потери бешеные. Из-за умных отцов-командиров.

— Ладно, давай. Чем сегодня занимались?

— Беседы, людей в 57-ю бригаду[11] и [другие подразделения] набирают. Много потерь в этих подразделениях.
— С тобой говорили?
— Я не иду пока. Потому что сразу отправят в СИЗО так называемое.

«Я уже начал тогда писать первые заявления в прокуратуру, — рассказывает Григорий Силков. — В двадцатых числах июля мы [с родителями других контрактников] поехали в Ростов. Сначала пошли в гарнизонную прокуратуру Ростова. Поняли, что мы не туда пришли и пошли в военную прокуратуру Южного федерального округа. Подали заявление с еще двумя родителями, которые были поблизости».

По словам Григория, к тому времени сын уже передал ему список из 34 отказников, которых узнал пофамильно. Этот список отец приложил к заявлению.

Андрей вспоминает, что в те дни каждый день группу солдат из лагеря вывозили на такелажные работы — разгружать машины с боеприпасами. Отказаться было нельзя. Там они иногда встречали отказников, которых из Брянки увезли в так называемые «ямы» — подвалы, куда попадали те, кто чем-то особенно прогневил тюремщиков.

«"Ямы" были недалеко от Перевальска, какое-то помещение, какой-то подвал огромный, — говорит Андрей. — Среди нас это называли "ямы". Мы на такелажных работах встречали парней, они говорили, что их там избивали люди в масках, заставляли согласиться [вернуться на фронт]. Это с их слов я

передаю. Тех, кто отказывался после подвала, мы их не видели. А кто соглашался на дальнейшую службу, мы их видели на работах, нас на склады вывозили из Брянки, а их — из какого-то другого места. Сам я [избитых] не видел, но пацаны видели и рассказывали, что они показывали: у них спины и ноги все синие. Вообще, нам с этими, которые были в "яме", ограничивали общение».

Из переписки Андрея с отцом. 23 июля

— Пацанов встретили, кто после ямы.

Отхераченные. Все синие. Спина вся синяя.

Ноги все синие. В машину закидывали, увозили, херачили, привозили. На голову черную ленту одевали, чтобы не видели. [Он][12] загрузился.

Поник. Очкует. Теперь в Красный Луч едем. В бывшую тюрьму.

24–29 июля. Перевальск. «Каждый день все новые и новые партии приезжали»

На следующий день всех отказников из Брянки начали перевозить в другой лагерь, в недействующую колонию № 19 около города Перевальск в ЛНР. Недалеко от него находится город Красный Луч, поэтому некоторые военные и их родственники говорили, что неформальная тюрьма расположена там.

«Там было намного хуже, — вспоминает Андрей. — Мы когда туда только прибыли, не хватало всем кроватей:

матрас на бетон клали и спали. Потом уже на следующий день завезли кровати, но мы днем были, получается, в помещении на втором этаже, а ночью в подвалах спали, потому что воздушная тревога, могло прилететь. Днем нас держали на втором этаже, где прилечь или сесть мало кому места было».

По его словам, если из лагеря в Брянке еще можно было сбежать — и такие случаи были, то из огороженной заборами и колючей проволокой колонии побег был невозможен. Отказников держали в одном из бараков, выходить за его территорию было запрещено. Кормили раз в день, а иногда не кормили вовсе. Уговоры вернуться на фронт продолжились и там.

«[В Брянке и Перевальске] все быстрее было. Если ты в полный отказ шел, то люди отсеивались быстрее. Я как можно дольше тянул время и не ходил туда на разговор, потому что я понимал, что я уеду. Мне нужно было время, пока все разбирательство [с прокуратурой] шло, — объясняет Андрей. — Народа было много, каждый день все новые и новые партии приезжали. Поэтому я туда до последнего не ходил».

Конец июля. Родные едут в ЛНР. «Отношение к ним изменилось сразу, как прошел слушок, что родители в Луганске»

В конце июля, 24-го или 25-го числа, отец Андрея Григорий узнал, что несколько родственников других отказников отправились в самопровозглашенную ЛНР. Он тоже поехал в Луганск.

Как рассказывал *The Insider* дядя одного из контрактников, российские офицеры в Луганске говорили им, «что не могут ничего сделать, так как парней держат в плену "элэнэровские", которые якобы не подчиняются российскому командованию».

Григорий Силков говорит, что в Луганске он сразу пошел в «российскую прокуратуру»: «Это не прокуратура ЛНР. Я четко понимал, что мне с ЛНР даже смысла нету связываться. Что такое ЛНР? Марионетки, пешки, это вообще просто люди, которые ничего не решают. У меня даже не было никаких сомнений. Кто-то говорил, к Пасечнику-[13] надо идти. Ну какой Пасечник? Ну, говорящая голова».

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

В первый день в Луганске, 24 или 25 июля, вспоминает он, с родителями отказников встретился представитель прокуратуры майор Терехов, который отнесся к их рассказу с недоверием. Григорий передал офицеру номер Андрея, чтобы он сам все выяснил. На следующий день родители вновь пришли в прокуратуру, чтобы уже там написать заявление с требованием освободить отказников.

«Нас опять встретил этот Терехов, — вспоминает Григорий. — Мы с ним опять разговаривали, уже информация появилась. Он рассказал, что да, в Брянке, с ними проводится работа, психологи, батюшки с ними беседуют. Ну, хотя я спрашивал [у сына], батюшек никаких не было». О том, что с отказниками и правда беседовал священник, «Медиазоне» рассказывал другой контрактник.

Майор Терехов передал родителям номер возглавлявшего лагерь отказников офицера военной полиции Туманова и посоветовал купить украинскую сим-карту, чтобы можно было с ним связаться и поговорить с сыном. «Мы купили симку, мама моего сына позвонила майору Туманову, сказала, что мы родители того-то. Потом нам сын позвонил с этого телефона Туманова. Я у него спросил: "Где ты, как?". Он: "Нормально". "Нас слушают?" — "Ну, слушают". То есть я понимаю, что он сейчас будет рассказывать, что все хорошо, что у него все прямо замечательно», — вспоминает Григорий.

По словам отца, в прокуратуре он попросил разрешения передать сыну телефон. Григорий поясняет, что ему было важно, чтобы телефон был

передан официально — «сын же не в тюрьме». Майор Терехов согласился, но когда Григорий на следующий день приехал с телефоном, уже не стал с ним встречаться.

«Как раз приехали другие родители. Я говорю: "Ну, поехали, тоже напишете заявление, все равно я еду туда, телефон везу". Вышел какой-то майор с позывным Север. Уже, короче, все, кто выходил с нами разговаривать, уже были без нашивок [с фамилиями]. Он говорит: "Нет, не получается телефон взять". Я говорю: "Ну, я хочу тогда жалобу написать на то, что вы не берете телефон". Он: "Ваше право"», — передает разговор Григорий.

Пока он писал жалобу, в прокуратуру зашли несколько офицеров: «Видно, что люди такие, высокопоставленные». Как уточнил один из охранников, «какая-то проверка из Москвы». Григорий решил во что бы то ни стало поговорить с ними.

«Я там сидел достаточно долго. Выходит этот. Оказалось, генерал. "Товарищ генерал, разрешите обратиться. Ну, такая ситуация с моим сыном происходит". Он говорит: "Через полтора часа дождитесь меня, я вас приму"», — вспоминает Григорий Силков. Другие родители решили уйти перекусить, но он побоялся пропустить встречу.

Позже с Силковым, по его словам, встретился другой майор, который принял заявление и объяснил, что до этого тот обращался в отдел, который «занимается ЛНР». И сказал, что родители могли и не ехать в Луганск, а обратиться в любую военную прокуратуру

в России — их заявление все равно бы направили в нужную инстанцию.

«Подозреваю, что так оно и есть, но когда у тебя над ухом стоят родители, стучат тебе в дверь, естественно, это неприятно, — размышляет Григорий. — То есть это больше как бы работает, когда ты находишься в Луганске. [Военные-отказники] говорили, что отношение к ним изменилось сразу же после того, как прошел слушок о том, что родители в Луганске. Уже не так навязчиво угрожали, перестали их забирать, куда-то увозить».

Андрей Силков тоже полагает, что из Брянки в Перевальск их увезли из-за начавшихся публикаций в СМИ и приезда родителей, но солдатам начальство лагеря никак переезд не объясняло.

«Конечно, [после приезда родителей] переполох случился. Какой-то замполит приехал посмотреть телесные побои, в разговоре с нами спрашивал, все ли нас устраивает, — говорит контрактник. — Я находился под давлением и контролем вооруженных людей. Непонятно, что со мной дальше будет, если я бы сказал, что меня ничего не устраивает. Все это хорошо понимали. Поэтому все говорили, что их все устраивает».

Через пару дней его отец уехал из Луганска, а 29 июля узнал, что Андрея все равно насильно вывезли на передовую.

Из переписки Григория Силкова с сослуживцами сына. 29 июля

— Что говорили, когда [Андрея] забирали?

— Просто построили, сказали: «Собирайте вещи, вы уезжаете».

— Его одного забирали?

— С [нашей бригады] да. Потом нам сказали, типа, вот что бывает, когда долго думаешь. Типа, домой отсюда пути нет.

— Пацаны, держитесь, не сдавайтесь. Пишите мне.

— Хорошо.

29 июля — начало августа. Попасная — Троицкое

«Я просто, знаете, подозреваю, что везде я ходил, писал, и его, наверное, специально оттуда увезли, чтобы всем показать. Вот, смотрите, что происходит, что мы можем все», — говорит Григорий Силков.

Андрей вспоминает, что его забрали почти сразу после беседы с психологами, которых он успешно избегал больше недели, пока его лично не вызвали: «Когда начали списки подбивать: а вот такой-то еще с психологами не поговорил».

«29 июля зачитали фамилии [нескольких отказников], — рассказывает он. — Я спросил куда, мне сказали, что неизвестно. Я думал, что еду к своей бригаде, а они отправили в 57-ю бригаду[14] неподалеку от поселка Попасная. Меня забрали, потому что я отказывался, но я там еще огрызался, много спорил, возмущался много. Может, они сами еще понимали, что раз родители звонят, то, если от меня избавиться, проще будет».

Попасная перешла под контроль ЛНР в мае. Как объявляли власти самопровозглашенной республики, город «разрушен практически полностью» и восстанавливать его «особо смысла нет». Там с привезенными из Перевальска отказниками провел «воспитательную работу» замполит бригады полковник Игорь Горюшкин. Силкову, по его словам, предложили стать наводчиком-оператором БМП, либо механиком-водителем, либо пойти в штурмовой отряд.

Силков отказался, и через пару дней его увезли к «непонятным вооруженным людям» в село Троицкое, тоже занятое российскими военными в конце мая.

«Меня одного привезли к какому-то заброшенному дому культуры и завели внутрь», — вспоминал[15] он.

Это был «штаб какого-то подразделения», имени командира он не знает.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

В кабинете, куда завели отказника, были еще пять человек в военной форме. Командир спросил, почему Силков не хочет воевать. «Мои ответы ему не понравились, и он, а также еще один человек стали меня избивать, — рассказывает контрактник. — Они нанесли мне несколько ударов кулаками по лицу и телу, от которых у меня в последующем появились гематомы. После этого меня вывели на улицу, во двор этого дома культуры, и сказали, что мое начальство им якобы дало согласие на то, чтобы меня "обнулить", после чего я поеду домой двухсотым, а легенда о том, что я погиб геройской смертью, уже придумана.

Его слова я воспринял реально, почувствовав страх за себя, однако участвовать в спецоперации твердо отказался».

Дальнейшее Андрей Силков описывает так: военный направил на него пистолет Макарова и приказал лечь на землю спиной, «чтобы они не забрызгались моей кровью при моем расстреле». Солдат лег.

«Он сказал, чтобы я посчитал до десяти, после чего он произведет выстрел. С этими словами он направил дуло пистолета в мой лоб. Я отказался считать до десяти, тогда он перевернул меня на живот и начал наносить мне удары рукоятью пистолета по затылку», — вспоминает Силков.

Его подняли на ноги и увели в штаб: «Я чувствовал, как кровь течет с затылка по моей шее и по спине».

Командир продолжил бить его пистолетом по голове, но один из присутствовавших при этом военных неожиданно сказал, что может забрать контрактника к себе. «Тот человек меня спросил, согласен ли я ехать не на передовую, а на такелажные работы, на что я согласился, опасаясь применения насилия и своего убийства, — говорит Силков. — После этого насилие ко мне прекратилось, и через некоторое время меня забрали на УАЗ "Патриот" в деревню Троицкое, где я присоединился к еще восьми военнослужащим на такелажных работах».

Он не знает, что за подразделение там находилось, была это регулярная армия, добровольцы или наемники — просто «люди в военной форме». «Там как бы люди к нам относились как к равным, —

говорит солдат. — Кто там болел, покупали за свой счет медикаменты, кормили нас, покупали еду за свой счет, одежду».

13 августа. Освобождение. «Родители работали, поэтому мы понимали, что нас отсюда заберут»

Пока Андрей Силков был в Троицком, оттуда отказников возили и на такелажные работы в районе Перевальска — туда, где раньше его держали на территории исправительной колонии. Но как раз в эти дни лагерь расформировали, это произошло в начале августа.

Как рассказывал адвокат Максим Гребенюк, отказников вернули в части или отправили в госпитали, некоторым удалось перебраться в Россию. Гребенюк уверен, что важную роль здесь сыграла активность родителей и заявления в прокуратуру и Следственный комитет от родных и сбежавших из лагерей для отказников солдат.

28 июля, за день до отправки сына в Попасную, за помощью к Гребенюку обратился и Григорий Силков, вместе с ним он отправил заявления о том, что его сына незаконно лишили свободы.

Матери Андрея Силкова позвонили из прокуратуры 13 августа. Ей сообщили, что в течение двух дней ее сына отправят в отпуск. По словам Андрея Силкова, в тот же день к нему приехал замполит 57-й бригады с подписанными документами от «какого-то генерала»

и сказал, что Министерство обороны предоставляет ему отпуск на 15 дней.

«Отпустили меня и еще одного военного. Я думаю, потому что за нас и отец мой боролся, и его родители тоже, — говорит Андрей. — До этого написал отец этого военного, сказал, что сегодня-завтра нас должны забрать. Это не было неожиданным, родители работали, поэтому мы понимали, что рано или поздно нас отсюда заберут».

Андрея и второго контрактника забрали родственницы других отказников, по словам Григория Силкова, родители солдат объединялись, чтобы помогать друг другу. Военных отвезли в гостиницу в Луганске, где военные дожидались своих документов, которые у них забрали по приезде в Брянку. На следующий день все вернулись в Россию.

Борьба за отказников. Почему эффективны обращения в прокуратуру и СК

По словам адвоката Максима Гребенюка, в июле и августе его проект «Военный омбудсмен» и правозащитная группа «Агора» проконсультировали два десятка военнослужащих, которых держали в лагерях отказников, и членов их семей, подготовили 17 обращений в военную прокуратуру и военно-следственные органы СК. Благодаря этой активности девятерых военных уже удалось вернуть в Россию.

Большинство родственников военных, которых не отпускают домой, предпочитают писать жалобы в Минобороны или президенту, но никакой помощи не дожидаются, говорит Гребенюк: «Эти ребята как раз те, кто отправили туда всех, поэтому они не заинтересованы в том, чтобы оттуда кого-то выводить. Они спускают все на места командирам частей, которые сами у себя спросят, что не так. И потом говорят: все так, отправят письменный ответ, что все хорошо с вашим сыном, до свидания».

Обращаться в Следственный комитет гораздо эффективнее, объясняет он, потому что ведомство обязано рассмотреть заявление и принять по нему решение о возбуждении уголовного дела или отказе от возбуждения, при этом отказ тоже можно обжаловать.

«Следователи обязаны этих людей найти, которые указаны в заявлениях, и опросить, чтобы у них было обоснованное решение, — замечает адвокат. — И они должны будут опрашивать, выяснять, разбираться, чтобы принять обоснованное решение по этому обращению. Поэтому они звонят этим командирам, этим Нечипоренкам[16], говорят: "Где вот этот парень, он нам нужен для опроса". "А что случилось?" — "Да на вас жалоба пришла, заявление". Поэтому начинает происходить эффект. Вот в чем наш лайфхак».

По его словам, на территориях ДНР и ЛНР — и тех, которые контролируются самопровозглашенными республиками с 2014 года, и тех, которые перешли под их контроль после 24 февраля, — сформировано уже много военных следственных отделов СК России,

«которые расследуют запрещенные методы войны Украины против мирного населения».

Уже после закрытия лагеря в Перевальске Гребенюк разговаривал с освобожденными оттуда военными, и те подтвердили, что центр для отказников разогнали и из-за этих обращений: «Их построили и прямо сказали: "Вы подняли шумиху там, в Следственном комитете и в СМИ. Зачем это вам нужно было? Вот теперь все, едьте обратно к своим командирам, либо в госпиталя". Кого куда развезли и распустили».

По словам правозащитника, приезд родителей в Луганск тоже сыграл свою роль. Но часто родители предпочитают спасать только своих сыновей и не хотят потом добиваться наказания для командиров.

«Мы стараемся помочь всем, это правозащитная деятельность, — объясняет Гребенюк. — Мама приезжает и хочет вытащить своего сына. Зачастую у них это получается. Но, как правило, потом этот сын затаится и больше ничего ему не нужно, и многие мамы говорят, что никуда не надо писать. Мы идем по цепочке: каждый военнослужащий кого-то еще там видел, кого-то знает, эти фамилии тоже в обращении указаны, их находим, они тоже пишут заявления, и как бы друг друга все подкрепляют, доказывают друг другом законность и обоснованность этих обращений».

Андрей Силков и его отец оказались в числе тех, кто решил идти до конца. 22 августа контрактник обратился в Главное военное следственное управление с просьбой привлечь к уголовной отвественности напавшего на него

командира бригады, начальство комендатуры в Боровой и лагерей в Брянке и Перевальске, а также «неустановленных лиц», которые удерживали отказников в этих лагерях. Против избивавших его людей он попросил возбудить дело об угрозе убийством. В заявлении Силков перечислил 70 фамилий контрактников, список которых он и еще один доверитель Гребенюка составили в Брянке.

После того как закончится его отпуск, Андрей, которому до войны нравилась служба в армии, поедет в место дислокации своей бригады, чтобы уволиться.

«Думаете, после того, что со мной произошло, хочется дальше служить? — говорит он. — Нет».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя изменено. Все данные известны редакции.

2. Имя изменено.

3. Орфография и пунктуация здесь и дальше изменены для удобства чтения.

4. Автоматический гранатомет на станке.

5. Долина — село в Краматорском (до 2020 года Славянском) районе Донецкой области. 7 мая в селе был уничтожен Свято-Георгиевский скит. О том, что расположенный в 13 км от Долины город Святогорск взят под контроль, Минобороны России сообщило в начале июня.Краснополье — село в Краматорском районе Донецкой области, расположено в 3 км от Долины. Там тоже шли бои.

6. Об этом говорится в написанном позже заявлении Силкова в прокуратуру, документ в распоряжении «Медиазоны». Он также подтвердил все изложенное в документе во время разговора с «Медиазоной».

7. Военная полиция.

8. Сам контрактник в заявлении и в разговоре с «Медиазоной» называл поселок Боровое, который, как он запомнил, по-украински называется либо Борове, либо Борово, однако поблизости от Яцковки, в 30 км, есть только один поселок с похожим названием — Боровая (Борова по-украински), который был захвачен в марте.

9. По данным The Insider, он носит звание подполковника и служит замначальника Главного управления военной полиции России.

10. По данным The Insider, это замначальника 51-й дивизии ПВО по военно-политической работе.

11. По неподтвержденным данным, имелась в виду 57-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, дислоцированная в Хабаровском крае.

12. Мы удалили имя, которое приводится в сообщении. Речь идет о сослуживце.

13. Леонид Пасечник — глава самопровозглашенной ЛНР.

14. О том, что отказников отправляют именно в 57-ю бригаду, «Медиазоне» рассказывали и другие военные. Андрей предполагает, что, возможно, в этой бригаде было много потерь.

15. Рассказ об избиении приводится по заявлению Силкова в прокуратуру и Следственный комитет. В разговоре с «Медиазоной» он не стал повторять весь рассказ, сказав, что в заявлении все уже подробно описано.

16. Полковник Олег Нечипоренко, по словам солдат, был «ответственным за работу с отказниками» в лагере в Брянке.